

ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ» И «ГУМАНИЗМ» В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

Личность и гуманизм (наряду с такими феноменами, как наука и техника, всеобщее избирательное право и права человека, равноправие полов и феминизм) являются «визитной карточкой» западной цивилизации, составляют содержание западного образа жизни.

Явления социо-гуманитарного ряда не принадлежат природе, существующей «до, вне и независимо от человека»; они возникают, формируются в человеческом сообществе в качестве принципов, организующих общежитие, выступают регуляторами различных сторон человеческих отношений и практики. Великое назначение культуры в том и состоит, чтобы вырабатывать идеалы, нормы, модели человеческого сосуществования, «задавать» правила и способы социального и индивидуального поведения.

Западная цивилизация выросла из иудео-христианского сказания. В эпоху Возрождения культурный плацдарм расширился, и к христианству, сохраняя за ним ведущую интегрирующую функцию, для интеллектуального осмысления были присоединены религии и мифы других времен и народов. С Нового времени философия, постепенно освобождаясь от роли интерпретатора сакральных (т.е. священных, данных свыше, сверхчеловеческих) знаний, сама стала стремиться занять место религии. Вместо религии Откровения сначала стала проповедоваться естественная религия, затем религия Разума. Эта тенденция нашла свое отражение в названии XVIII века — «век Просвещения». И. Кант дал девиз новому интеллектуальному устремлению: «*Sapere aude!*» — имей мужество пользоваться собственным умом!...»¹.

¹ Кант И. Что такое Просвещение // Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Мысль, 1969. — Т. 6. — С. 27.

Философия на протяжении более двух тысяч лет была тесно связана с религиозной формой сознания, поэтому исконная, коренная функция философии тождественна религиозной функции: учить и проповедовать, ибо возможен, — а значит, есть — лучший мир, и человек может поднять себя из праха, может преобразить себя и мир. Знание, которое этому не учит, может быть всем, чем угодно, но только не быть философией по сути, по исконному предназначению. Однако по характеру своих построений она, конечно, отличается от религиозного знания. Философия стремится к максимальной осознанности, ясности и отчетливости всех своих положений; неся в себе изначальную, родовую черту — рефлексивность, она стремится, чтобы в ее конструкциях не было ничего неявного, недоступного человеку «со средним умом» (такую характеристику своим умственным способностям давал Р.Декарт). Собственно, это и связывает демократизм и рационализм — базовые черты западной цивилизации. Все должно быть доступно для понимания всех: политическая система, правовая система, банковская и т.п.

И религия, и философия являются утопическими¹ формами сознания, поскольку рисуют совершенное бытие. Однако для того, чтобы подчеркнуть целерациональный способ мифо-поэтического творчества философии, я отношу ее к проектировочному типу сознания. Функция философии — проектировать возможные миры; и как уже очевидно, лучшие. Это не значит, что философская мысль действительно всегда будет предлагать лучшее мироустройство из возможных; философ не Бог, при всем стремлении к интеллектуальному подражанию Ему, но философу должно хотеть построить «лучший из миров». Концепт-конструкт платонова идеального государства, связанный с философскими построениями Платона в целом, есть прямое и полное выражение сути философского способа мировидения. Платоновская «идея» — эйдос, парадигма — это то, к чему вещь должна стремиться,

¹ «Утопию» принято переводить как «место, которого нет». Но возможно и другое прочтение — эвтопия, т.е. «хорошее место». Т. Мор, автор слова, построил каламбур из возможности двояким образом обозначить приставку «у» на греческом языке: либо как *eu* (в латинском варианте написания), тогда эвтопия, либо как *ou* — утопия.

чтобы достичь совершенства, т.е. своей полноты и завершенности. Платоническая любовь — любовь к своему эйдосу; она побуждает вещь к совершенствованию. Аристотель, казалось бы, снизил пафосность учения Платона: формы (они же сущности — те же самые идеи) не оторваны от вещей; вещь предстает с самого начала как единство формы и материи. И все же нельзя противопоставлять учение Аристотеля учению Платона: аристотелизм есть развитие и модификация платонизма. Аристотель в своей метафизике учит о существовании неподвижного перводвижателя — Ума, или Нуса, который выражает идею совершенства, полноты и завершенности бытия. Бытие в целом и, следовательно, каждая вещь должны стремиться к нему, а значит, к своему индивидуальному совершенству. Вещь, достигшая своей завершенности, получает главную награду — покой.

Средневековая теологическая традиция восприняла от Античности идею о том, что полнейшее и наиболее реальное земной мир может совершенствоваться путем стремления к высшим образцам, любя их, подражая образам мира иного — благого и прекрасного, — становиться чище, благороднее, удобнее, нормальнее. Таким образом была принята идея о нормативном характере культуры. Быть нормальным не означало быть как все, а означало следование норме.

В ментальности любого человеческого сообщества — будь то примитивное племя или высокоразвитая цивилизация — важнейшей составляющей является представление об идеальном человеке, человеке каким-ему-должно-быть, «культурном герое». В модель совершенного человека включаются жизненные принципы, стереотипные формы поведения; «культурный герой» наделяется отличительными признаками; общество придумывает для него награды и компенсации. И, что немаловажно, одновременно должны вырабатываться принципы отношения общества к своему «герою» — «белой вороне», выделяющейся из общей стаи; должны предприниматься попытки защиты культурных посевов. Западная культура знает трагическую историю появления такого Человека и

отношения толпы к нему: люди ведь Бога не постеснялись распять. Не случайно так часто героизм быть совершенным человеком увязывается с мученичеством.

Западная цивилизация благодаря понятиям личности и гуманизма, в самих понятиях и через них, предложила свои проекты «идеального человека» и социо-топоса — социального пространства, организованного так, чтобы в нем мог существовать нормальный, эйдетический, человек. Таким образом понятия личности и гуманизма тесно взаимосвязаны.

Итак, возникли эти понятия в лоне христианской культур-генетической матрицы. Но, как и многие другие понятия западного мышления и образа жизни, они были секуляризованы и эмансипированы от практики жизни верующих христиан, ставшей с определенного момента частным делом. Однако при этом объединяющая цивилизационная функция оказалась сохраненной именно благодаря тому, что фиксированные в понятиях модели жизни и мироощущения стали одинаково приемлемыми как для верующих, так и для атеистов.

В христианстве «культурным героем» выступил сам Бог. Причем в начале становления христианской догматики это был иудейский Бог-Творец, а чуть позже произошла подвижка в сторону понимания Христа как совершенной личности, образ которого также менялся в течение Средних веков. Позднее Средневековье проповедовало Христа Распятого. «Esse Homo», «Се Человек», — излюбленная надпись под изображением Христа Распятого. Христос — «как Путь, Истина и Жизнь» — становится моделью, эйдосом идеального человека, Которому следует подражать, по пути Которого следует пройти, чтобы удостоиться главной награды для христианина: воскресения и жизни вечной в чертогах Отца Небесного.

Попробуем распродметить, расшифровать образ Бога-Творца как Личности. Особенно рельефно, ясно и отчетливо специфичность и новаторство христианского проекта выступят при сравнении его с эйдосом совершенного человека, предложенным античной философией. В

Античности идеалом человека был мудрец или философ, то есть умный человек, который знает не только как устроено бытие, но который знает главное: как прожить счастливо в том мире, про который он знает, что он так устроен. Мудрец тот, кто живет счастливо; философ тот, кто стремится жить счастливо или хотя бы стремится узнать, что это такое и как это сделать.

Несмотря на различие этических учений Античности, разнообразие подходов к определению счастья и путей его достижения, можно выделить общие черты, делающие их выразителями духа Античности, «аполлонической души». Свойства счастливого человека, которые мы найдем и у киника, и у эпикурейца, и у скептика, и у стоика, и у неоплатоника, — это знаменитые автаркия, атараксия, апатия (независимость, невозмутимость, безмятежность). Боги Эпикура и поросенок Пиррона обладают такими счастливыми характерами: они независимы и невозмутимы. Им следует подражать, — призывали Эпикур и Пиррон своих сторонников. Собственно говоря, перечисленные свойства идеального характера манифестируют базисный — созерцательный — настрой аполлонической души.

Совершенно противоположное заложено в модели западного человека каким-ему-должно-быть. Фаустовская душа — страстная, волящая и деятельная, жаждущая новых далей, приключений, открытий; она сознает и утверждает свою уникальность, неповторимость; свободная и гордая до одиночества, она открыта миру природы и людей. Все это и вычитывается христианской герменевтикой при интерпретации ветхозаветного Бога-Творца.

Христианский Бог абсолютно уникален и индивидуален; все стремится к Нему, все подражает Ему, но ничто не может стать Им. Более того, Он принципиальный нонконформист, так как вынесен за пределы мира, противопоставлен ему до трансцендентности. Такая противопоставленность задавалась с самого начала на онтологическом уровне: Бог утверждался в качестве истинного бытия, мир же рассматривался как небытие, получающее

статус существования постольку и настольку, поскольку и насколько в нем предполагалось Божественное присутствие; Бог благ, мир же изначально греховен, ущербен, поэтому ему требуется постоянное попечительство с Его стороны. Позднее западная и теологическая, и особенно философская мысль будут искать герменевтические способы примирения Творца с Его творением. Из такого стремления к гармонизации и оптимизации отношения человека к миру возникнет известная фраза «все к лучшему в этом лучшем из миров». Однако экзистенциальное чувство тревоги не может быть до конца изжито в западном мироощущении. Страх, тревога, беспокойство — чувства, возникающие из понимания отрыва человека от мира, разлада между ними, и, как следствие, ощущение постоянной угрозы возможности совершения ошибочных, до непоправимости, действий.

Образ христианского Бога заряжен идеалами свободы и творчества. Он — Творец, а мир тварь. Мир создается Им из «ничего», следовательно, Ему ничто не предзадано, Им ничто не руководит, Его ничто не контролирует. Такое прочтение центрального христианского образа специально проговаривалось и подчеркивалось начиная с апологетического периода. Теоретико-доктринальные отклонения от нее тщательным образом отслеживались в схоластической традиции. Если споры вначале велись в основном на уровне идеологии, то поздняя схоластика перевела их в философскую плоскость и решала их со всем схоластически-терминологическим тщанием. Так, например, на протяжении ряда веков велась жаркая дискуссия, с проигрыванием всевозможных вариантов ответа, по вопросу о том, как понимать это самое «ничто» (уж не «нечто» ли оно). Отзвук данного спора — с прописыванием вариантов ответа — можно найти в «Исповеди» Августина; еще ранее свой ответ дал Тертуллиан: ничто — это ничто, Бог абсолютно свободен, в том числе свободен творить зло. В заключительный период продуктивной схоластической мысли, в конце XIII — начале XIV вв., развернулась серьезная дискуссия между томистами (но уже без Фомы, умершего в 1274 г.) и антитомистами как раз по вопросу о

свободе Бога, свободе и ответственности человека. Ее можно также обозначить через вынесенные диспутантами ключевые оппозиции как спор между интеллектуалистами и волюнтаристами; на теоретическом уровне спор касался и проблемы универсалий. Открыто волюнтаристскую позицию обозначил У. Оккам: Богу ничто не предзадано, в том числе никаких идеальных форм, трафаретов, по которым Он творит бытие; если бы это было так, то это ограничивало бы Его свободу; Бог не ремесленник, а Творец, поэтому каждая вещь уникальна. Для понимания становления нового взгляда на человека важно учесть представление Дунса Скота об «этости», утверждающей на теоретическом уровне проработанности индивидуальность и неповторимость каждой вещи, особенно человека.

По формально-логическим правилам, установившимся еще в античной логике, Бог-Творец являлся субъектом, то есть неким под-лежащим; творящей акциденции субстанцией. В христианской герменевтике Бог становится подлинно содержательным Абсолютным Субъектом. Путей, приведших к такой содержательной трактовке, по-видимому, было два. Один восходит к Аврелию Августину: его персоналистической трактовке Бога-Творца, данной в трактатах «О Троице» и «Исповеди». Второй идет от Северина Боэция, давшего знаменитое определение «личности»: «*persona*» — «неделимая субстанция разумной природы», — при решении вопроса о соотношении двух природ Христа в эпистоле «Против Евтихия и Нестория».

Понятие личности, персоны, возникает в патристике. Кому отдать пальму первенства нового прочтения слова *Persona*, вопрос спорный и открытый: то ли каппадокийцам, то ли Августину, да и у Тертуллиана, как выясняется, можно встретить именование Бога Персоной. Но совершенно ясно, что данное понятие послужило содержательно-методологическим средством, позволившим объединить Три Лица Божественной Троицы в единую Личность. У Боэция понятие Персоны выполнило ту же самую функцию, но уже при решении христологической проблемы.

Вполне вероятно, что правы православные теологи, утверждающие приоритет нового использования понятия *Persona* за греческими Отцами Церкви. Августин, живший чуть позже, вероятно, шел по пути каппадокийцев. Но здесь важно, как шел. Он не вдавался в терминологические изыскания, которые не каждому, даже образованному, современнику были понятны (а на исходе был IV век, начинался V — время заката Античности, варваризации культуры); он говорил на вполне доступном обывателю человеческом языке; он искал переходные мостики, позволившие бы понять человеку сложнейшую теологическую проблему: как помыслить, вобрать в себя мыслью и чувством, единство Трех Лиц Бога. Способ, который предложил Августин, это наведение — понимание через аналогию структуры Божественной Троицы со структурой души человека. В «Исповеди» прочтем: «Кто поймет всемогущую Троицу?.. Редко встречается душа, которая, говоря о Ней, знает, что она говорит. Спорят, сражаются, и никто не увидит этого видения, не имея мира в душе. Я хотел бы, чтобы люди подумали над тремя свойствами в них самих. Они — все три — конечно, совсем иное, чем Троица; я только указываю, в каком направлении люди должны напрягать свою мысль, исследовать и понять, как далеки они от понимания. Вот эти три свойства: быть, знать, хотеть. Я есмь, я знаю и я хочу... Эти три свойства и составляют нераздельное единство — жизнь, и, однако, каждое из них нечто особое и единственное; они нераздельны и все-таки различны. Пойми это, кто может. Перед каждым стоит, конечно, он сам: пусть всмотрится в себя, увидит и скажет мне». [Исповедь, Кн.13, XI.] В Трактате «О Троице» дается несколько иная структура: Бог Отец соотнесен с памятью, Бог Сын с разумом; Бог Дух Святой с волей¹. Поскольку Бог един, то для обозначения данного факта Августин использует слово *Persona*, Лицо. Таким образом, понятие Личности включает в себя параметр единства. Кроме того, Августин находит еще одно психологическое свойство,

¹ См: Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. — Кн. 1. — М., 1992. — С. 81-92, 175.

способное выполнить объединяющую роль, — любовь. Августин пишет: «Если ты видишь любовь, то поистине видишь Троицу... вот три суть: любящий, любимый и любовь»¹. Принцип любви составит конкуренцию принципу начальствования, «отце-сыновства», патриархальному принципу: принципу доминирования, субординации. Благодаря принципу любви можно объединять и уравнивать различные стороны душевной и общественной жизни, гармонизировать взаимоотношения различных частей души, общества. Цельность и гармоничность станут еще одним фундаментальным отличительным признаком совершенного человека, личности. В западной философии разорванное сознание будет третироваться как несчастное сознание.

Итак, в чем несомненный приоритет Августина в решении тринитарной проблемы, так это в том, что он интереснее и общественно значимее раскрыл данную тему, облек решение в такую форму, что оно стало доступно и интеллектуально, и эмоционально любому, даже профану. Августиновский эйдос Бога-Персоны не затерялся и не затерся в книжной пыли и пыли истории (так, например, в XIII в. его понимание Бога воспроизвел Бонавентура в «Путеводителе души к Богу»).

Отметим еще одну основополагающую черту совершенного человека — это любящий человек. Христос выделил две заповеди, определяющие верующего человека: он должен возлюбить Бога и он должен возлюбить ближнего. Данные заповеди будут неустанно транслироваться из века в век. Сам Бог христиан явил пример действенного милосердия, показал пример жертвенной любви. Поэтому индивидуализм западного человека сочетается с состраданием, милосердием, готовностью оказать помощь; это не эгоцентрический индивидуализм, замкнутый на себя, а индивидуализм открытый, полагающий себя источником, началом социального бытия, в силу чего несущий за него ответственность. Западный человек в своих лучших теоретических моделях и художественных образах — человек

¹ Цит. по: Лосев А.Ф. Указ. соч. — С. 92.

общественный. В светских теориях, которые строились уже на основе естественного разума, здравого смысла, а не на Откровении, например, в теориях «общественного договора», «разумного эгоизма», выводящих нормы социальной жизни из природы или разума, а не из предписаний Бога, — даже в этих теориях человек должен отказаться от своей ничем не ограниченной свободы в обмен на социальный мир, который и является главным призом за добровольно накладываемое ограничение. «Моя свобода ограничена свободой другого» — таков один из краеугольных принципов западного общежития.

Подведем некоторый итог. Эйдос личности рождается в лоне христианства. Здесь он служит и методологическим и содержательно-идеологическим средством решения смыслообразующих проблем христианской догматики и христианского жизнеустройства. Благодаря понятию личности в модели совершенного человека предпринята попытка соединить черты человеческого характера, которые теоретически трудно сочетаемы, на практике гармонизировать отношения между противоположными свойствами. Но поскольку главным образцом — образом совершенной личности — является Бог: или Бог-Творец, или Христос, — казалось бы, невозможное в мышлении может состояться в действительности: «стучите, и вам откроется». Модель совершенного человека, личности, полагает, что человек должен быть целостен, целен; в нем гармонично должны соединяться и индивидуальность и жертвенность; и независимость и любовь; и деятельно-прагматическая направленность и бескорыстное милосердие, сострадательность. Поэтому понятие личности носит не только описательный, но и оценочный характер.

Высокий идеал, заданный христианством и многожды осмысленный теологической мыслью, не был знанием только избранных и посвященных, не оставался достоянием только монастырских библиотек и «книжных червей». Как и во многих других традиционалистских обществах, в средневековой Европе одним из важнейших способов социализации

человека, подключения его к формам и содержанию коллективного сознания была инициация. Инициация, базовым процессом которой является сопереживание и проживание определенного состояния, включается также в качестве одного из приемов в мистико-магическую практику. Организация и поддержка практик подражания Христу, Деве Марии и другим значимым библейским персонажам были неустанной заботой католической церкви. Форм таких практик достаточно много. Это и организация службы в церкви, и организация жизни прихожанина: крещение, причастие, посты, молитвы и прочее. Но дело не ограничилось только церковным попечительством в организации христианского жизнеустройства, когда каждый прихожанин был так или иначе вовлечен в практику подражания Христу. Западная христианская культура разработала несколько специальных моделей совершенного человека, как бы приспущенных с неба на землю, действие которых выходило за пределы жизни церкви и входило уже в компетенцию общества; религиозная подоплека еще сохранялась, но формы становились светскими. Поэтому «монах» был не единственным образом совершенного человека.

Другим культурным парафразом жертвенного служения обществу был рыцарский идеал. Играя в рыцаря, мужчина в Средние века цивилизовывался, становился человеком. Предпринимались попытки соединить рыцарский и монашеский идеалы в единый образ жизни монаха-рыцаря, таковы были, например, тамплиеры. И «монахиня» — это был не единственный образ и путь для высоконравственной женщины (у Эразма есть диалог, специально посвященный данной теме). В культуре позднего Средневековья благодаря Мариологии возник обмирщенный аналог образа Девы Марии — образ Прекрасной Дамы. Приспущенный на землю, он становился более достигаемым, доступным для подражания. Не случайно в католицизме причисление женщин к лику святых в массовом порядке становится распространенной практикой.

На закате Средневековья к рыцарскому идеалу порядочного человека присоединяется идеал ученого. Владельцу докторского титула давались равные права с рыцарем. В «Житии» маршала Бусико можно прочитать: «Две вещи были внедрены по Божьей воле, дабы, подобно двум столпам, поддерживать устройство Божеских и человеческих законов. Эти два столпа суть рыцарство и ученость, сочетающиеся друг с другом»¹.

В современной культуре Запада, жизнь которого построена на принципах рационализма (а значит, во многом культуре вербальной), места для инициационной практики осталось немного. По счастью, на помощь пришли новые технологии: сначала изобретение книгопечатания и развитие жанра художественной литературы, особенно романистики, затем возникновение театра, а теперь — кино. Аналогом-заместителем инициации стали состояния сопереживания образам искусства.

История становления понятия личности и вписывания его в социальный контекст не заканчивается Средними веками. В Средние века понятие приобретает основные определяющие его параметры; прошла первичная апробация проекта в исторических реалиях. Однако форма понятия была все еще эйдетической: оно еще не носило рационального формально-абстрактного выражения. Разница между первым и вторым способом описания такая же, как, например, между заповедями Нагорной проповеди Христа и кантовским категорическим императивом. Кроме того, модели совершенного человека, даже заземленные, были рассчитаны либо на аристократический круг, либо на специфические психологические типы, таким образом, оставаясь элитарными моделями, моделями для избранных. Западная цивилизация рациональна и демократична. Поэтому, для того чтобы вписаться в ее матрицу, стать действительной парадигмой западного образа жизни, явлением обыденным, понятию личности необходимо было получить, во-первых, светское осмысление, во-вторых, демократическое оформление. Согласимся, далеко не любой может быть рыцарем, монахом

¹ Цит. по: Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. — Долгопрудный, 1977. — С. 163.

или ученым. В демократическом же обществе каждому должна предоставляться возможность быть нормальным человеком. Впереди был еще длинный путь — путь длиной в историю¹.

Следующий этап нового прочтения библейского сказания — Возрождение, визитной карточкой которого называют гуманизм. Гуманистическая мысль не носила секуляризаторского, тем более антиклерикального характера. Многие деятели Церкви и даже некоторые Папы того периода, как известно, были гуманистами (что, как также известно, не делало их автоматически хорошими людьми); да и те, кто не принадлежал клиру, были глубоко религиозны. Изначально гуманизм — это только определенная форма учености и определенный способ организации образования. Становление гуманистического течения во многом проходило через отталкивание от схоластики — другой формы учености и организации образования.

То, что систематическое размышление о человеке оказалось в ведении не только схоластической, но и гуманистической мысли, безусловно, имело значимые культурные следствия. Гуманисты были небольшой группой элиты, замкнутой на себе, пишущей для посвященных. Однако — в оппозицию схоластике — они стали вырабатывать и пользоваться другими формами и приемами мышления, доказательности, аргументации, другим языком, новым широким набором выразительных средств. Интеллектуальный арсенал гуманистов был ближе к искусству и житейской мудрости, чем к формально-логическим приемам дисциплинарного мышления. Поэтому в дальнейшем общественному сознанию было легче ассимилировать принципы, идеи, образы, предложенные гуманистическим кружком.

¹ В этой статье я ограничусь рассмотрением только двух периодов западной философии, сыгравших важнейшую роль в становлении понятия личности. Новое время и Просвещение силами своих выдающихся представителей: Декарта, Локка, Руссо, Канта — внесут свою лепту в наполнение эйдоса личности «западным» содержанием. Гуманистическая направленность западного образа жизни получит свое оформление в учении о естественных правах человека, о свободе совести и ряде других учений.

Средневековая теология передала гуманистической мысли свою центральную идею о человеке — человек есть «образ и подобие Бога». Однако гуманисты христианский антропоцентризм довели до крайности: человек стал рассматриваться не только как подобие Бога, но уже как второй Бог. В обиход вошло учение о теосисе, обожении человека. Но если теосис Кузанского связан с мистическим путем, т.е. обожение достигается на пути Богопознания, то распространение в эпоху Возрождения магических учений перевело обожение в плоскость практических действий. Особую роль сыграл герметизм — учение мифического Гермеса Трисмегиста (Триждывеличайшего). Перевел герметический корпус, а также тексты других оккультных учений (гимны Орфея, зороастрийские оракулы) Марсилио Фичино. Джованни Пико делла Мирандола перевел Каббалу. Герметизм усилил идею исключительного положения человека в мире: из существа, стоящего пусть и на высокой ступени земной иерархии, но все же включенного в нее, герметизм исключил человека из общей цепочки земных процессов; сблизив человека с Богом, он противопоставил его миру. Вот один пример герметического определения человека и его места в мире. «Дерзнем сказать, — говорит Гермес Триждывеличайший, — что человек есть смертный Бог и что Бог небесный есть бессмертный человек. Таким образом, все вещи управляются миром и человеком»¹.

Разумеется, такое видение человека окажет влияние на последующее развитие западной мысли. Однако оно не будет ни однозначно позитивным, ни всегда прямым и непосредственным. Величайшие события западной истории: протестантская Реформация, католическая Контрреформация, появление новоевропейской науки — возникнут во многом через критику и противопоставление гуманистической все-возможности, с ее ориентацией на магическое управление миром.

¹ Цит. по: Гайденок П.П. Христианство и генезис естествознания // Философско-религиозные истоки науки. — М., 1997. — С. 57.

Но у гуманистического движения есть неоспоримая историческая заслуга: оно ввело в культурный оборот представление о новом социотопосе — социальном пространстве, построенном на принципе универсализма, в котором только и может существовать личность как уникальное явление. Принцип универсализма рождается в лоне христианского неоплатонизма. Он исходит из идеи единственности Бога, обеспечивающего единство мироздания; поэтому все другие культуры говорят об единственном Боге и едином мире, но только на своем языке, говорят по-своему¹.

Гуманистов можно назвать свободомыслящими (что к атеизму прямого отношения не имеет). Исходя из идеи универсальности бытия, но открывшегося мудрецам других культур со своего ракурса, гуманисты пытались синтезировать мудрость ино-культур: античности, иудаизма, включая и позднеантичные подделки «под Восток». Но, разумеется, христианство сохранялось в качестве всеобъемлющей матрицы и рамки, в которую ино-мудрость должна была вписаться в снятом виде как частный случай. Универсальным языком перевода оставался язык христианской философии. Отсюда и полифоничность гуманистической мысли: принципиальная недосказанность, отсутствие жестко оформленных и окончательных ответов. Излюбленным жанром стал диалог (конечно, в подражание сократовско-платоновскому диалогу, где диалектика — это искусство поиска истины; истины, которая примиряет собеседников, поскольку найдена ими совместно, учитывает и вбирает в себя их точки зрения, т.е. достигает консенсуса), часто диалог, происходящий между представителями разных культур, религий, философских школ. Также был популярен жанр писем-размышлений, что важно, писанных друзьям.

¹ Прот. Д. Зеньковский справедливо заметил в конце рассмотрения системы Вл. Соловьева, что принцип всеединства является фундаментом неоплатонизма, поэтому Вл. Соловьеву авторство на данный принцип не принадлежит; в истории философии, в частности, было учение Н. Кузанского, построенное на принципе универсализма.

Благодаря принципу универсализма на европейскую землю приходит принцип терпимости — терпимости к иной вере, иной мысли, иному человеку. Реформация как религиозное движение¹ надолго отодвинет реализацию гуманистического проекта устройства социального бытия: Европу раздерет религиозная междуусобица. Но чем больше в религиозных войнах будет пролито крови, тем сильнее будет усвоен урок, сильнее жажда мира; мира, который сможет обеспечить реализация принципа терпимости. Дж. Локк, Вольтер пойдут по пути Эразма Роттердамского и других гуманистов.

Гуманизм — это не просто любовь к человеку, включая в себя гуманность, гуманизм ею не ограничивается. Гуманизм — это проект социальной среды обитания людей свободных, творческих, деятельных, уважающих и ценящих чужую уникальность и инаковость; гуманизм — это такой проект социо-топоса, который востребует личность и позволяет ей быть. «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» — подлинное кредо гуманистического мироустройства.

¹ Реформация как идейное учение также внесет свой весомый вклад в формирование новоевропейского человека. С упразднением клира, посредствующего между Богом и человеком, человек становится более свободным к миру, но несвободным по отношению к Богу; большая свобода накладывает и большую ответственность. Реформация наследует идее Эразма Роттердамского о необходимости внутреннего преображения человека: «жизни по духу», а не «по букве», когда важна сама вера, а не молитвы или истязание плоти. Лютер пишет: «Верны, <...> очень верны изречения: добрые благочестивые дела никогда не сделают доброго, благочестивого человека, но добрый и благочестивый человек совершает дела добрые и благочестивые; дурные дела никогда не сделают дурного человека, но дурной человек совершает дурные дела». «Итак, всегда сама личность (die Person zu vor) должна прежде всегда сделаться доброй и благочестивой, чтобы получились добрые дела.» [Цит. по: Лазарев В.В. Становление философского сознания Нового времени. — М.: Наука, 1987. — С. 48.] Реформация реабилитирует «простака», «профана», который в простоте своего сердца может скорее открыть истину, чем нагруженный ненужными знаниями схоласт. Демократизировав доступ к сакральному, открыв путь к нему для всех, Реформация демократизирует все стороны социальной жизни Западной Европы, она вводит в круг элиты «третье сословие». Кроме того, Реформация ограничивает вседозволенность возрожденческого гуманизма. (Роль Реформации в становлении капитализма, а значит, нового человека, участвующего в новом типе экономических отношений, подробно проанализирована М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма».)